

Сергей Козлов

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗГИ

Рассказ

*Сергею Петровичу Цыганкову,
погибшему на трассе*

– Километров двадцать осталось, – деловито отметил Петрович, когда двигатель, казалось бы, беспричинно заглох.

За пределами кабины грузопассажирской «Газели» была югорская ночь на зимнике – минус сорок и ветер с колким снегом в лицо, что называется «не видно не зги».

Петрович неодобрительно, но также деловито ударил ладонью по баранке руля, выругался и помянул «пылесос» из комедии Гайдая. Сидевший рядом молодой учитель информатики Константин Валерьевич некой народно-северной уверенности водителя не разделял, потому как даже представить себе не мог, что сейчас надо будет выйти из условно тёплой кабины автомобиля на мороз и ветер в открытом пространстве замёрзшего на зиму болота. Петрович же, как человек бывалый, глядя в быстро покрывающееся налётом и летучим снегом лобовое стекло, за которым даже не угадывалась «невидимка луна», определял стратегию выживания:

– Варианта два: жечь резину и ждать помощи, но в праздничные дни вряд ли кого-то понесёт на зимник. Второй – идти самим. Компьютеры твои никто не скоммуниздит, а так, глядишь, к утру доковыляем... Ну что, Костя?

Костя, которому и летом на ровной дороге двадцать километров могли показаться непреодолимым для разумного человека расстоянием, поёжился и надул щёки, медленно выпуская пар в салон машины.

– Да это смерть, – почти иронично оценил он оба варианта Петровича. – Дубак, и не видно не зги...

– А ты знаешь, что такое зга, учитель? – реально иронично спросил Петрович.

– Фиг знает, – поморщился Костя, натягивая ушанку по самые брови.

Он, как всякий пассажир, хоть и немного, но считал Петровича виновным в том, что двигатель заглох.

– Есть три варианта понимания, – снова начал о вариантах Петрович и проявил неожиданные для водителя фразеологические знания: – первый, это колечко в конской сбруе или на дуге, куда повод продевают, второй – тропинка, третий – прут, которым скотину стегают. В общем, темно так, что чего-то из трёх этих вариантов на расстоянии вытянутой руки не видно.

– Мрак, – оценил учитель информатики. – Проще сказать – ни фига не видно. Может, на трассу?

– Не вариант, – ухмыльнулся водитель, – туда вообще срок километров.

– Ну почему именно в этом месте мобильники не берут?! – почти взмолился Константин Валерьевич на экран своего телефона.

– Решать надо, чем дольше сидим, тем меньше в нас остаётся тепла, – резонно призвал к действию водитель.

– Пойдём, – неожиданно для себя решился Костя.

– Вот если первые десять пройдем, и если у тебя пальчики ещё чего-то нажимать смогут, то позвонишь, позовёшь на помощь, – подытожил Петрович.

– Что значит если?.. – не на шутку испугался учитель, с сомнением посмотрев на свои модные перчатки.

– Держи, – Петрович протянул ему запасные варежки-шубёнки. – И очки сними. Лопнут. Да и «дворничков» у тебя на них нет...

Затем водитель достал из кармана за своим сидением бутылку спирта.

– Сто грамм для храбрости? – спросил Костя.

– Какое?! – отмахнулся водитель. – Это если что разжечь надо будет. Внутрь только при острой необходимости. Я щас на таком морозе из бака бензин тянуть не буду. Шланг к губищам пристынет. – Из бардачка он достал коробок охотничьих спичек, фонарик, снял с креплений у спинки топорик, а из пакета между сидениями несколько кусочков хлеба и бутылку воды.

– А это зачем? – удивился Костя.

– А это, если вариант закуски понадобится.

Петрович посмотрел на экран своего мобильного и снова выругался:

– Ёшкин кот, и тут без вариантов: зарядка садится. У тебя-то хоть как? Или ты в дороге всё на свой «тырнет» размотал? – водитель без особой надежды уставился на Костю.

– Размотал, – признался тот. – Но есть ещё четвертушка.

– Четвертушка, – передразнил Петрович, – щас махом на морозе сядет.

– Я во внутренний карман, ближе к телу положу, – решил для себя проблему Костя.

– Ну-ну, – ухмыльнулся водитель, – смотри, чтобы не примерз, а то так и найдут с мобильником на груди: абонент вне зоны...

Шутка Петровича Константину Валерьевичу очень не понравилась, но через пару сотен метров пути, он понял, что тот не шутил.

Луч фонарика, который водитель включал только на короткое время, пробивался сквозь мрак и снег не дальше, чем световой меч джедая. Во всяком случае, именно такое сравнение пришло в голову Косте. Впрочем, какое ещё могло прийти ай-тишнику в стылой тайге? Правильный ответ – вообще никакого. А тут пришло – значит, компьютер в голове ещё отвечал на запросы. Через полкилометра появилось стойкое желание вернуться назад, потому что в машине хотя бы не было встречного ветра. Через километр захотелось по малой нужде, отчего пришлось выслушать пару непристойных шуток Петровича, который, оказывается, знал о памятнике писающему мальчику в Брюсселе и не преминул поёрничать, что на морозе что-нибудь отломится вместе со струёй и будет на зимнике памятник писающей девочке. Так что «аварийку включи на трассе» прозвучало весьма безобидно.

После трёх километров перестали быть ноги. Вместо них появились ходули. Костя заглянул в экран сотового, который едва достал из-под пуховика застывшими руками. Шагомер показывал три с половиной километра за час двенадцать, Петрович показывал ему, что он дурак, крутя шубёнкой у виска: мол, на что энергию тратишь, а впереди ещё предстоял путь, как сказал Петрович, «до Пекина задним ходом». Почему именно до Пекина, Костя уже даже подумать не мог. Алгоритмы застывали прямо в извилинах. Хотя нет... Даже одна шутка родилась. Огромный компьютер можно поставить на севере, и даже кулеры не понадобятся. Он хотел сказать её Петровичу, но губы не слушались. Тот посмотрел на Костю, всё

сообразил без каких-либо сигналов и растопил замерзающие алгоритмы «алгоритмами». Он буквально влил глоток спирта в онемевшие губы, и учитель информатики понял оксюморон с холодным-горячим спиртом буквально, хотя говорить всё равно какое-то время не мог, теперь уже от того, что слизи-стую и гортань прилично обожгло ледяным спиртом. Зато они пару минут передохнули и помолчали, отчего стало слышно, как мороз трещит в тайге сучьями, словно увалень обходит, как в сказке, с дозором свои владения. Но до тайги, где, казалось, будет уютнее, с продуваемого со всех сторон болота ещё надо было дойти.

– Пару километров, – известил Петрович.

Пара километров далась неожиданно легко. Видимо, открылось второе дыхание, хотя, по большому счёту, дыхания никакого не было вообще. Просто отпыхивались в шарфы, намотанные на лица до уровня глаз. На шестом километре, когда входили в подлесок, который едва угадывался, выскочившими на зимник маленькими елями-недоростками, Костя понял, за что им в этих широтах платят северные до самой глубины сердца, которое почему-то вообще стало странно ощутимым. Трепыхалось, как у котёнка, где-то между сосульками рёбер. А вот у Петровича сердце вдруг бухнуло, и он медленно осел на снег.

– Что? – с тревогой спросил учитель.

– Вариант стенокардии, – хрипло ответил водитель. – Помоги, в кармане нитроглицерин... Давит, не могу, задыхаюсь... Вариант сдохнуть... Прикопаешь, в случае чего, в сугроб, чтоб звери до похорон не сожрали.

Петрович и шутил, и не шутил одновременно, а Константин Валерьевич даже не понял, чего он больше испугался: внезапной остановки сердца Петровича или остаться в одиночестве без опытного напарника на зимнике, навеки вмёрзшем в тёмную материю вселенной

– Отдохни, может быть внезапная остановка сердца, – проявил неуместные медицинские познания Костя.

– Взাপная, – буркнул Петрович, завалившись на бок.

Они прошли ещё два километра.

– Четвертушка, – уже не так весело пошутил Петрович, а ещё через два километра он уже безнадёжно осел под наво-стрённую в стылый космос солидную ель на обочине.

До нормальной тайги дошли. Костя не чувствовал в своём теле ничего, зато представлял, что представляет собой стылое

полено, которое заносят в дом, чтобы бросить в печь. Именно брошенным в печь поленом ему сейчас хотелось быть. Но он понимал, что Петровичу ещё хуже.

– Разводи костёр... – прохрипел тот.

– Как? – удивился Костя, словно его просили добыть огонь первобытным способом.

– Руками!.. – Петрович вслед за этим словом матерно ругнулся и завалился на бок, потеряв сознание.

Зато сознание учителя информатики включилось. Он вытащил топор из-за поясного ремня водителя и двинулся во тьму, пытаясь хотя бы наощупь найти мало-мальски сухие ветви. Если бы кто-нибудь ему ещё вчера сказал, что после двух часов на таком морозе он ещё что-то сможет делать, он бы рассмеялся. Но теперь он рассмеялся над собой вчерашним, потому что невозможное надо было сделать возможным.

– Не видать ни зги, згинем тут, – причитал, работая топором Костя, – хотя знал, что слово сгинем, начинается с буквы «с».

Хотелось плакать, но это было бессмысленно, потому что все слёзы замёрзли прямо на веках ещё на первой сотне метров.

Когда у него всё же получилось собрать охапку ветвей рядом с бледнеющим на морозе Петровичем, он догадался вытащить у него из рукава тулупа бутылку спирта. Теперь спирт был даже теплее, чем тогда, когда лежал в кармане. Он чуть было не полил его прямо на ветки, но догадался, что сделает что-то не так. Однако самое первое решение оказалось правильным. Он как мог раздвинул посиневшие губы Петровича и влил туда спирт, как недавно это делал Петрович для него. Подождал, влил ещё. И чудо свершилось. Петрович дёрнулся, вдохнул, глаза открыть не смог, веки смёрзлись, зато сказал:

– Вот что спирт животворящий делает...

А когда смог открыть глаза, мгновенно оценил обстановку.

– Нужна бумага. Только с бумагой! – кивнул он на будущий костёр.

– У меня только накладные и счета-фактуры, это документы... – напомнил Константин Валерьевич.

– Да хоть паспорт! Жить хочешь?

Больше убеждать Костю не пришлось. Петрович смог сам скрутить из фактур козыи ножки, трясущимися руками с трудом воткнул каждую в бутылку спирта, и лишь потом чиркнул долгоиграющей охотничьей спичкой, буквально накрыв всем телом первые языки пламени. И второе чудо произошло, огонь

заялся. Костя даже пожертвовал ещё пару накладных из внутреннего кармана, но уже как жертвоприношение огню.

– Я вот ещё свечку с собой вожу, не знаю зачем. Но на всякий случай, – сказал Петрович и снова закрыл глаза.

По всей видимости, костёр дал ему немного тепла, но забрал последние силы.

Отогреться у костра было невозможно, отогреться можно было только войдя в пламя пожара, но огонь грел надеждой. И Костя снова бросился в лес, потому что хотя бы на двадцать метров вокруг зга отступила. Стало чуть светлее. И Костя бросился собирать и рубить всё вокруг, что казалось пригодным на корм огню.

Усевшись рядом с Петровичем, он какое-то время заворожённо смотрел на языки пламени, потом открыл бутылку со спиртом, намереваясь сделать глоток, как часто видел в фильмах об экстремальных ситуациях.

– Не надо, – сказал вдруг из своего забытья Петрович. – Не надо. Не дойдёшь, раскиснешь. Надо дойти хотя бы до моста через Талтымку. Там берёт связь. Возьми для верности и мой телефон.

Костя понимал, что кто-то всё равно должен идти, но оставить здесь одного Петровича?..

– Иди, – упредил все его сомнения Петрович. – Иначе погрём. Я постараюсь не отдавать Богу душу, пока ты не вернёшься с подмогой. Звони только сразу либо на пост милиции, либо в скорую. Начальство между праздниками, сам знаешь...

– Телефон не возьму. Будь на связи, – это сказал Константин Валерьевич, учитель информатики, молодой мужчина, живущий на севере и теперь знающий, что такое север.

– Иди... – Петровича снова оставили силы.

Костя подбросил в костёр ещё сучьев, придвинул валежник ближе к Петровичу, чтобы и он мог кидать ветки в огонь, подложил под него несколько веток. Потом встал, первый раз в жизни перекрестился и пошёл. А пройдя пару километров понял, что не взял фонарик. Это настолько его испугало, что он враз растерял вдруг обрётённые у костра и после своего мужского поступка силы. Даже ноги подкосились. А придорожные бесы ещё и подвывать стали навстречу ему. И тогда он вспомнил, что говорила ему мама...

– Все люди, когда страшно, зовут маму. В любом возрасте. Зови и ты меня. Я услышу. А уж если совсем худо, то зови маму мам...

– Кого?

– Богородицу. Пресвятая Владычица, так зови...

– Мама, – позвал Костя в то место, где должно было быть небо. – Мама! – снова позвал он, потому что не смог бы сейчас выговорить «Пресвятая Владычица», но второй зов был адресован именно Ей, и для вящей убедительности Костя нелепо перекрестился прямо шубёнкой. Но зато второй раз в жизни...

Чудо не произошло. Ни одна из мам не пришла. Но почему-то появилась уверенность, что его услышали. Железная уверенность, которая толкнула его сделать несколько десятков шагов, чтобы рассмотреть впереди какой-то блёклый свет и снова вернуть надежду.

«У тебя два варианта: – подумал в своей голове голосом Петровича Костя, – либо ты сдашься и упадёшь, и погибнут два человека, либо ты дойдёшь, и выживет хотя бы один, а ты станешь героем и местной легендой».

– Выживут оба, – своим голосом и вслух выдавил навстречу стылой зге Константин Валерьевич.

И он шёл, хотя любой другой несевверный интеллигент давно бы уже упал и уснул, тем более – учитель информатики, который бегал и совершал подвиги до этого только в компьютерных играх. «Delete – это не про нас», подумал Костя и снова увидел впереди блёклый огонёк, который стал ближе. Он шёл, всматриваясь в него, как в гір-точку, которая изменит всю программу, как в свет в замочной скважине двери, за которой его ждёт тепло и молодая жена Оля.

– Мама! – снова уже не позвал, а как-то убедительно для самого себя произнёс он, и далёкий огонёк показался ему силуэтом женщины, склонившей голову над дорогой.

Он шёл так ещё один самый невыносимый час в своей жизни. А женщина в лёгкой тунике, стоявшая где-то на обочине вдали, ожидала его... И только войдя на мост у Талтымки, он понял, что это не женщина, а свет фонаря с другой стороны небольшого деревянного моста через таёжную речку. Его свет так рассыпался на морозе, что издали был похож на женщину в каком-то лёгком одеянии...

Костя достал телефон. Маленький столбик связи был чуть больше, чем тот, который лежал вдоль батарейки. Он судорожно набрал телефон посёлкового ПОМ и услышал:

– Старшина Марков!

– Это Костя. Мы не зимнике, машина всё, за Талтымкой, Петрович замерзает... сердце...

– Замерзает сердце? – не сразу понял заспанный старшина.

– Я тут полежу, – успел сказать Костя, прежде чем разрядился телефон.

Он знал, что на севере никто не примет его звонок за шутку. Что Марков сейчас подымет всех, кого нужно, а сам прыгнет в дежурный «уазик», который они в мороз даже не глушат, и помчит на зимник. Вслед за ним рванёт посёлковая «Газель». Костя в первый раз в жизни поблагодарил Бога за то, что ему не надо идти ещё несколько километров, на которые у него не хватило бы сил.

– Вот теперь можно и умереть, – наконец сдался он и сел под фонарный столб. – Вариантов нет, – сказал он голосом Петровича, – здесь точно найдут.

И его действительно нашли через полчаса. И Марков протянул ему фляжку с водкой уже в салоне «уазика», продолжая крутить баранку в ту сторону, где остался Петрович.

– А не заглохнет? – опасливо спросил Костя, возвращаясь из забытья.

– Не заглохнет, пей. Тебе надо. За нами «скорая»...

Выпив несколько глотков, Костя позволил себе разомлеть и сказал старшине:

– Фёдор Иванович, а меня женщина всю дорогу вела. Ну... я так думал... Думал, мама, или мама всех мам... А оказалось – это свет фонаря...

– Ничё тебе не показалось, – глянул на него Марков. – Так и есть. Это Капитоновна тебя спасла...

– Какая Капитоновна?

– Ещё в семидесятые было. Тебя ещё не было. Тут у моста её сын погиб. Разбился в пургу о сосну, что не убрали. Не спилили, пожалели... Он чуть левее взял, и всё... Ну не видно ни зги было...

– Зга... – понимающе кивнул Костя.

– Капитоновна, как сына похоронила, отплакала, добилась, чтобы из посёлка аж на несколько километров провод – соплю сюда кинули. Вот и появился фонарь этот вместо той сосны. С одной стороны, вроде как памятник, с другой, маяк. Многим маяк мамы Капитоновны помог. В нынешние-то времена никто бы делать не стал, потому как нерентабельно, как там говорят нынче: нецелевое расходование бюджетных средств. А в советские времена понимали. Такая, брат, у нас история... И человеческая, и советская...

Константин Валерьевич знал много посёлковых легенд, а эту слышал впервые.

– Не поверишь, – продолжил старшина, – когда Капитоновна померла, её муж сюда ездил лампочки менять, проверял, будто смотритель маяка. А когда и он помер, то завещал всё, что у него было, нашему ЖЭКу, только чтобы столб с фонарём остался...

– А я маму свою звал... Как она учила, – усмехнулся своей замороженной мистике повзрослевший Константин Валерьевич. – А ещё маму мам...

– Кто это – мама мам? – спросил Марков.

– Богородица...

Старшина вдруг притормозил, оторвал от баранки правую руку и перекрестился.

– Ну, значит, Она и помогла, – веско и твёрдо сказал он.

– А Капитоновна? – наморщил лоб Костя.

– А Капитоновна хороший человек, через таких Богородица и помогает.

– А я думал чудо, – скептически произнёс учитель информатики.

– Да у нас таких чудес, знаешь, сколько бывает? Но ты о другом подумай, сколько смертей было. Сколько людей замёрзло...

И в хмельной, но всё же математической голове Константина Валерьевича пронеслась сухая статистика за последние несколько лет.

– Выходит, всё-таки чудо...

– Чудо будет, если мы ещё и Петровича живым застанем...

Петровича они застали живым и помогли фельдшеру перенести его в салон Газели-скорой.

– А ты, Константин Валерьевич, мужик, – прошептал тот, принимая учителя информатики в круг бывалых северян. – Матери от меня поклонись.

– Мама два года как умерла, – напомнил Костя.

– Тем более, поклонись. Она тебя и родила, и вымолила... Держи, это тебе, на память, – и протянул учителю фонарик и огарок церковной восковой свечи. – Свечку-то я взял, пока не понадобилась...